Renate Hansen-Kokoruš (Hrsg.)

Sibirien – Russland – Europa

Fremd- und Eigenwahrnehmung in Literatur und Sprache

Verlag Dr. Kovač

Hamburg
2013

Диалектика взаимодействия литературы центра и сибирского региона России в последней трети XIX века
(к проблеме культурного трансфера)

Е.А. Макарова (Томск)

Заявленная тема предполагает рассмотрение диалогической ситуации, которая образуется в литературе и культуре последней трети XIX века в связи с новыми процессами, развивающимися в литературе центра и сибирского региона России.

Образ Сибири для человека XIX века – понятие широкое даже в географическом отношении. В его понимание входили все те земли, которые простирались до и за Уралом. Необходимо уточнить, что довольно долго уральский край выступал как часть Сибири, лишь ближе к началу XX в. его начали воспринимать как особую территорию, имеющую свою историю, культуру, свой неповторимый облик. Безусловно, это было связано с промышленной колонизацией Урала, так как необходимость в мощной металлургии подтолкнула к массовому заселению региона, строительству городов-заводов, а отсюда – и появлению особого горнозаводского населения и культуры (Кунгурцева 2009). Понятно, что, в согласии с традицией того времени, человек европейской культуры не отделял в своем сознании Урал от Сибири. Все это для него было определенной зафронтирной зоной, разделяющей «свое» пространство от подчеркнуто «чужого».

Сибирь, как правило, ассоциировалась в сознании европейца с местом ссылки и каторги; родиной не испорченных европейской цивилизацией народов; малоизвестной и ментально не освоенной русским крестьянином территорией, особенно притягательной в связи со слухами об обилии земель и наличии государственной помощи желающим на ней поселиться; провинцией с активно формирующимся национальным самосознанием. Не случайно урало-сибирский регион в последней трети XIX века начинает рассматриваться как многоземельная, активно осваиваемая территория. А при условии проведения в ней либерально-реформаторских преобразований, строительства железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования земля эта, по

мысли многих исследователей, способна была превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край.

Закономерно, что при таком ракурсе восприятия, урало-сибирский хронотоп предельно актуализируется и для русской литературы как принципиальное географическое, натуралистически-антропологическое пространство России, то конкретное место, где явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления. С точки зрения фронтирной ситуации, пространство это все больше приобретало черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько сближала внутреннее и внешнее пространство.

Таким образом, данная проблема начала ассимилироваться с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Не случайно в самих художественных текстах определяющим становится описание пути, мотив дороги и дорожных встреч, открытие для себя новых неосвоенных пространств, столкновение «своего» и «чужого», «окультуренного» сознания и сознания «природного». Этот комплекс тем и мотивов продолжает сложившуюся в русской литературе традицию литературы путешествий, иными словами – травелога.

Литература путешествий – это письмо в движении, порождающее образы стран, городов, местностей, проникающее в литературу и изменяющее ее. Отсюда важность для ее понимания таких жанров, как путевые заметки, письма, очерки, дневники. Любое путешествие – это постоянная смена впечатлений, калейдоскоп фактов, новые образы, мотивы. Поэтому крайне важен маршрут путешественника, от выбора которого зависит многое. Все впечатления, воспоминания, описания, по сути, и выстраиваются вокруг этого маршрута, выполняющего роль сюжета.

Огромную роль для русской литературы путешествий сыграли так называемые «вынужденные» путешествия, связанные с ссыльно-каторжными скитаниями. Начатые протопопом Аввакумом, Радищевым, декабристами, поездки в Сибирь стали культовыми для писателей и очеркистов второй половины XIX века: Гончарова, Короленко, Успенского, Чехова. Принципиально, что маршрут рассказчиков развивался с Запада на Восток. Поэтому «литература путешествий», посредством создания определенного стереотипа образа

«Востока», становилась важнейшим средством самоидентификации «Запада» как некоторого осмысленного единства, как «цивилизации» (Вальдштейн 2003: 127).

Сам по себе этот факт обнаруживает ситуацию культурного трансфера, позволяющую сохранять продуктивный диалог литературы Центра и сибирского региона. Тем не менее, подобная ситуация привела к смене издательских тактик и стратегий, что уже напрямую связано со становлением сибирской литературы и журналистики, развивающейся на фоне все большего внедрения в жизнь областнической концепции. Подобная проблематика все больше занимает гуманитарные науки. Всплеск интереса к ней, произошедший в последние десятилетия XX в., благодаря выходу в свет ряда монографий и исследований, привел к дальнейшему изучению продуктивного диалога метрополии и периферии. Это, прежде всего, нашло отражение в современной отечественной историографии и литературоведении (см., напр., работы А.В Ремнева, М.В. Шиловского, Б.А. Чмыхало, Н.В. Серебренникова), а впоследствии нашло применение в изучении русской литературы с точки зрения проблемы культурного трансфера и теории диалога, как ее понимал М.М. Бахтин.

В этом плане интересен феномен *Лескова*, ни разу в Сибири не бывавшем, но в итоге создавшем ее неповторимый образ. В его публицистическом творчестве 60-70-х гг., где он уясняет для себя феномен русского странничества, бродяжничества, показателен выход на так называемую «идею места», проблему культурного пространства. Тема Сибири, изначально развивающаяся в творческом сознании Лескова на уровне писательской интуиции, постепенно воплощается в его текстах в некую образную систему. Писатель, прекрасный знаток русских религиозно-сектантских движений, явления переселенчества, добровольного и вынужденного странничества, все больше присматривается к топографии их перемещений. Поэтому не раз Сибирь предстает для него как своеобразный знак, символ-сигнал «земли обетованной», куда бредут все гонимые и страждущие в поисках «потерянного рая».

В принципиальном для творческой системы Лескова рассказе НА КРАЮ СВЕТА (1875) действие происходит в Сибири. На первоначальном этапе автор показывает типичный путь героя к чужой и страшной периферии, мешающей соединению с сакральным центром и требующей особого усилия в преодолении, по терминоло-

гии В.Н. Топорова, «границы-перехода». На конечном же этапе герой уже испытает ситуацию воскрешения, и причиной этому станет не его миссионерская деятельность, а неосознанное подвижничество дикаря-тунгуза, возвратившего его, подобно Лазарю, к жизни. Постепенно Сибирь открывается для писателя как новое этноконфессиональное пространство, и он вводит в русский контекст еще одну формулу, закрепленную в национальном культурном сознании: Сибири как «края», но «края света».

Таким образом, в мировоззренческой системе Лескова сохраняется привычная амбивалентность по отношению к сибирскому хронотопу, но с резким сломом устоявшихся понятий, и именно экзистенциальная природа сибирской границы как феномена сознания определяет характер ее семиотизации. Формирование сибирского дискурса продолжится и в позднем творчестве Лескова, в его рассказах-очерках 90-х гг.: СИБИРСКИЕ КАРТИНКИ XVIII ВЕКА, ЮДОЛЬ, О КВАКЕРЕЯХ, ВДОХНОВЕННЫЕ БРОДЯГИ (удалецкие «скаски»), ПРОДУКТ ПРИРОДЫ.

Значимым вкладом в формирование «сибирского текста» станет творчество *В.Г. Короленко,* развивающееся с начала 80-х гг. В записных книжках, дорожном дневнике, письмах периода якутской ссылки, сибирских очерках и рассказах писатель вырабатывает свою формулу Сибири как «настоящего складочного места российской драмы». В путевом образе территории велика роль ландшафта, который вызывает у путешественника необходимые реакции. Не случайно большое место в дневниках и записных книжках Короленко отводится описаниям природы Урала и Восточной Сибири. Уже в этих отрывочных записях проявляется, насколько чутко писатель уловил и определил ту специфику, что составляет особую, неповторимую сущность такой природы и быта. Первые его впечатления от этих пространств показывают не только «недорисованный, поблекший пейзаж», но и демонстрируют почти полное отсутствие красок, света, звука. И эти бескрасочность, бледность, грустная тишина неизбежно порождают мотивы сна и смерти, которые проецируются на образ морозных, леденящих пространств. Многие же отрывки из писем, дневников и записных книжек Короленко кажутся цитатами из завершенных произведений, настолько эстетически полноценно они выглядят. В результате создается весьма противоречивый образ: бескрайние просторы и суровая природа, при которых вторжение ее сил в область человеческого ведет как к обедне-

нию реальности, так и к пониманию, по словам писателя, «непрекращающейся русской драмы», задающейся этим пространством.

Из соединения реализма «будничных картин» с идеализмом настроения возникает тот особый сплав романтизма Короленко, который внес свою неповторимую струю в литературную панораму эпохи. Романтизация у писателя нарастает органично с развертыванием именно сибирской темы, что является во многом следствием изменения масштаба его мировосприятия, заданного далеким экзотическим хронотопом и наделяется определенными символическими смыслами.

Отсюда и формируется знаменитая «бродяжническая» тема Короленко. В своих сибирских рассказах и очерках главное внимание он уделяет фигуре пришельца и его судьбе внутри сибирского социума, то есть той теме, которая нередко обнаруживает ситуацию покорения человека Сибирью, что ведет к его индеферентности и деградации. Образ же кочевника-бродяги теснее всего связан с мотивом дороги, сюжетом путешествия, так как это герой открытого пространства. Философско-религиозные раздумья в постсибирский период творчества Короленко, выраженные в его дневниках, письмах, рассказах, приведут к значимой смене нарративных стратегий, когда он начнет говорить языком мифа, сказки, притчи.

Г.И. Успенский, предпринявший добровольную поездку в Сибирь, воспринимает ее поначалу как крест, движение в сторону ада, который должен пройти каждый человек. Но при этом у него произойдет и принципиальное столкновение-конфликт «книжного» представления о Сибири и собственного «открытия» места. Основной лейтмотив в сформировавшемся образе Сибири – устойчивое описание ее как страны негостеприимной, угрюмой, опасной, узилища для каторжников. Сибирская формула писателя – «виноватая Россия» – выразится не только в главном творческом итоге путешествия – цикле ПОЕЗДКА К ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ – но буквально «пронзит» все его дорожные записи, письма с дороги.

А.П. Чехов по пути на каторжный остров Сахалин неожиданно откроет для себя Сибирь как особое пространство, что приведет и к перевороту привычного понятия Восток – Запад, «свое» – «чужое». Путешествие писателя в итоге приведет к важной смене позиций как в творческом, так и мировоззренческом плане. Необходимо уточнить, что все его письма, литературные черновики и материалы, заметки для будущих воспоминаний, записные книжки и днев-

ники сами по себе уже представляли определенный метатекст, постепенно превращаясь при творческой переработке в самодостаточный, завершающий текст, объединенный пространствами Урала, Сибири и Сахалина. В уже более переработанном плане и принципиально иной авторской позиции материалы эти воспроизводятся в текстах очерков ИЗ СИБИРИ и книги ОСТРОВ САХАЛИН, в которых также определяющим становится описание пути, мотив дороги и дорожных встреч.

Как мы уже подчеркнули, основная специфика географических образов путешествий – это их тесное взаимодействие с образами территорий, через которые пролегает маршрут путешествия. Проезжая через Урал и Сибирь по пути на каторжный остров, Чехов видит бесконечную снежную пустыню, практически без дорог, без людей. И этот пейзаж его давит, угнетает, ошеломляет, буквально гипнотизирует своей белизной, огромностью, безграничностью, какой-то океанской беспредельностью. Такая монотонная картина не обещает поначалу никаких перемен. Эпитеты «адский», «чертовский», настойчиво звучащий в письмах Чехова с дороги, вольно или невольно задают устойчивую для европейского сознания семантику Сибири как «страны-ада». В его описании урало-сибирского пейзажа навязчивая и настойчиво акцентируемая «белизна», в противовес русско-европейской «зелени», определенно служит важнейшим символом какой-то окончательности, смерти, слепоты и стерильности. Таким образом, семантика белого цвета, с одной стороны, становится знаком Сибири, где снег, метель, буря являются определенными мифологическими маркерами. С другой стороны, само выпадение снега, который становится процессом и в который втягивается весь мир, где все одинаково мертво, определяет общероссийскую географическую, климатическую и натуралистически-антропологическую ментальность, так как зимнее время года длится в России, как правило, около полугода.

Тем не менее, новый «опыт», приобретаемый Чеховым в процессе «опровержения» уже существующего «знания», ведет к тому, что постепенно пространство Сибири демифологизируется и то, что считалось «типическим», детипизируется. С точки зрения фронтирной ситуации, пространство это все больше приобретает черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяет, сколько сближает внутреннее и внешнее про-

странство. Сам же «сибирский текст» у писателя все больше начинает выражать себя уже на уровне определенного «метатекста».

Необходимо помнить, что в этот период происходят принципиальные изменения и в самой *сибирской литературе*. Разнообразные архивные источники, многочисленные сочинения сибирских авторов первой половины XIX в., а затем выступления областников в центральной и региональной прессе, их дневники, письма, вкупе с исследованием русско-европейских литературных процессов, дают возможность показать, как многие геополитические и геоэкономические обстоятельства XIX в. помогли становлению культурного регионализма в Сибири и формированию очередного локального мифа российской цивилизации.

К середине 70-х гг. уже будут окончательно сформулированы главные положения областнической концепции, выраженные в многочисленных публикациях Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. В связи с этим начинает формироваться и собственно сибирская литература. Таким образом, писатель-регионалист входит в обособленный мир духовной культуры собственного края, но, с другой стороны, он участвует в общенациональной литературной традиции.

В отличие от 70-80-х гг. XIX в., период рубежа веков в Сибири значим тем, что начали формироваться, по выражению Ядринцева, «умственные центры», группироваться литераторы, сибирская литература приобрела регулярность, литературную критику. К концу века спор о значении периферийных изданий был практически решен в пользу провинциальной печати. Так оформлялась, по терминологии Б.А. Чмыхало, «подсистема», ядром которой стала «молодая сибирская литература», которая, в свою очередь, все чаще обращалась к проблеме «местного самосознания», поискам некоей общей «идеи», обуславливающей своеобразие регионального литературного процесса. Поэтому явно недостаточным для определения специфики культурно-литературных процессов является чисто территориальный, географический признак.

Известно, что граница обеспечивает контакт со средой при всей своей максимальной удаленности от центра. Сибирская граница как реалия и тем более как художественный знак-образ полностью соответствует ментальным закономерностям, сложившимся к этому времени в русской литературе и культуре. Потанин, осмысляя феномен сибирской литературы в статье «Роман и рассказ в Сиби-

ри», определенно рассматривает ее проблему уже не в узко локальном, но принципиальном смысле, выявляя в ней особые органичные «кристаллические формы» (Потанин 1876).

Крайне характерным ему видится актуализация новых жанров и сюжетов в творчестве сибирского писателя *Н.И. Наумова*, преобладающим местом в творчестве которого занимает очерк, позиционируемый как некий универсальный в плане содержания жанр, размывающий границу между художественным и документальным письмом Основная тема его произведений – жизнь народа в многообразных ее проявлениях, изображение пестрого люда, крестьян, купцов, обозников, переселенцев, пустившихся в путь по России. Практически все сюжеты очерков писателя связаны с дорогой, сибирским трактом, сам же автор выступает в них не просто как чиновник по крестьянским делам, но и как «невольный турист».

Н.М. Ядринцев в 80-х – середине 90-х гг. продолжает публиковать в «Восточном обозрении» огромное количество статей, посвященных «сибирскому вопросу», включающих целый комплекс проблем: центра и периферии, тюрьмы и ссылки, русских переселенцев, инородцев и пр. Самобытная беллетристика, многочисленная публицистика, разнообразные этнографические исследования этих лет ведут исследователя к созданию таких принципиальных трудов, как СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ, ИХ БЫТ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (1891), СИБИРЬ КАК КОЛОНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ (1892). Как подчеркивает современный исследователь, «в процессе систематического осмысления судьбы Сибири Ядринцевым используется весь спектр гуманитарного знания – история, геополитика, экономика, лингвистика.» Постигая историю Сибири в пространственных категориях, он определяет место ее развития не Европой и не Азией, но той особой территорией-конгломератом, которой «предстоит новая роль и новые задачи» (Емельянова 2004: 98). В итоге в его творческой системе происходит окончательное формирование колониального дискурса, впервые представленного в областнической доктрине последней трети XIX века. Говоря об открытости сибирского общества для всех, он подчеркивает и вечное движение в сибирской жизни. Происходит же это, главным образом, из-за постоянного прилива переселенцев, обновляющих сибирское население, которое, «вливая новые соки и прибавляя новые черты, составляет пеструю амальгаму жизни!» (Ядринцев 1892: 108).

Г.Н. Потанин к этому времени практически отходит от общественно-публицистической деятельности, полностью посвящая себя науке. Его все больше влечет Восток, и это не случайно. К последней трети XIX в. просвещенное человечество и наука уже переболели европоцентризмом и начинается пристальный интерес к Востоку. Потанин в этом – один из первых. Он понимает, что Восток не просто интересен сам по себе, но помогает Европе понять самое себя. Вследствие этого в науке начинается тщательная ревизия культурного наследия: выясняется родословная европейских культур, ищут их истоки, прародину. Выявляется, что в былые времена они тесно взаимодействовали, поэтому не случайно появление в науке различных гипотез, прокладывающих мостки между Востоком и Западом. В связи с этим Потанин начинает работу над капитальным трудом ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ЭПОСЕ, изданном в 1899 году.

В своих знаменитых экспедициях, предпринятых под руководством Русского Географического общества, исследователь собирает не только конкретный этнографический материал, но обращается к фольклору, монгольско-тюрским преданиям. Важная качественная эволюция происходит и в творческих поисках Потанина. Источником многих сюжетов европейского эпоса он теперь предлагает считать не «высокие» письменные культуры, а степные предания народов Центральной Азии. Вслед за Веселовским исследователь решает вопрос о «бродячих сюжетах». В своих поисках и обозначении общего сюжета о Боге-отце и Боге-сыне (Ерке) на основе фольклорных буддийских источников Потанин выходит уже к христианским откровениям.

Таким образом, несомненным для последней трети XIX века становится явное нарастание взаимотяготения культурных импульсов столицы и региона в подходе к общим проблемам. Очевидное движение от художественного письма к публицистическому в творчестве позднего Лескова, Короленко, Успенского, Чехова происходило, во многом, за счет принципиального открытия и осмысления пространства Урала и Сибири. В региональной же литературе, напротив, намечается художественное осмысление проблем, отработанных в публицистическом, историческом, статистическом аспектах. О прямой взаимосвязи этих культурных потоков говорить сложно, но несомненно, что подлинные открытия в региональной

литературе происходили в большом пространстве русской культуры.

Сам по себе этот факт обнаруживает ситуацию культурного трансфера, позволяющую сохранять продуктивный диалог литературы Центра и сибирского региона. Подобная проблематика все больше занимает гуманитарные науки. Всплеск интереса к ней, произошедший в последние десятилетия XX в., благодаря выходу в свет ряда монографий и исследований, привел к дальнейшему изучению продуктивного диалога метрополии и периферии. Это, прежде всего, нашло отражение в современной отечественной историографии и литературоведении, а впоследствии нашло применение в изучении русской литературы с точки зрения проблемы культурного трансфера и теории диалога, как ее понимал М.М. Бахтин.

Литература

Вальдштейн, М. (2003): Новый маркиз де Кюстин, или польский травелог о России в постколониальном прочтении. Авторизованный пер. с англ. Е. Канищевой // НЛО. 2003. № 60, 125-144.

Емельянова, Т.Н. (2004): Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб.

Кунгурцева, Н.А. (2009): Типология пространства в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка (1875-1882 гг.): автореферат диссертации кандидата филологических наук. Екатеринбург.

Потанин, Г.Н. (Авесов) (1876): Роман и рассказ в Сибири // Сибирь. 1876. №№ 40, 44, 51.

Ядринцев, Н.М. (1892): Сибирь как колония. СПб.

Die dialektische Wechselwirkung zwischen der Literatur des Zentrums und der sibirischen Region Russlands im letzten Drittel des 19. Jh.

(Zum Problem des Kulturtransfers)

E.A. Makarova

Der Beitrag untersucht die dialektischen Wechselwirkungen zwischen Literaturen Zentralrusslands und der Region Sibirien im letzten

Drittel des 19. Jh. Dieses Phänomen wird unter dem Gesichtspunkt der Theorie des Kulturtransfers und der Dialogtheorie nach M. Bachtin betrachtet. Im Beitrag wird eine wachsende Tendenz festgestellt, kulturelle Impulse vom Zentrum in die sibirische Region zu integrieren, getragen vom Verständnis gemeinsamer Probleme. Damit geht im Schaffen russisch-europäischer Schriftsteller ein offensichtlicher Trend vom narrativ-fiktionalen zum publizistischen Schreiben einher, was in vieler Hinsicht als Folge der Entdeckung von Ural und Sibirien gelten kann. Als Gegentendenz ist in der Literatur der sibirischen Region die künstlerische Behandlung von Problemen zu verzeichnen, die bereits zuvor publizistisch, historisch und statistisch bearbeitet wurden.